

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ПЕДАГОГИЧЕС- КОЙ ДЕЯТЕЛЬ- НОСТИ, ЖИЗНИ И СМЕРТИ А.С. МАКАРЕНКО

Творческо- коммерческий альянс — одна из движущих сил канонизации А.С. Макаренко¹

Г. Хиллиг

доктор философских наук, приват-
доцент педагогики, руководитель
лаборатории «Макаренко-реферат»
Марбургского университета,
иностраный член-корреспондент
Академии педагогических наук
Украины и Российской академии
образования

В апрельском номере журнала «Красная новь» за 1941 г. были опубликованы три рассказа, посвященные светлой памяти Антона Семёновича Макаренко. Автор, И. Чумак, производит впечатление бывшего воспитанника колонии им. М. Горького. Эта публикация, появившаяся накануне войны, даже многим макаренковедом неизвестна. Думается, что и читателям журнала «Социальная педагогика» будет интересно узнать о чем идет речь в рассказах. Представляю второй из них, который впоследствии сыграл особую роль в отношении к педагогу Макаренко.

И. Чумак

ВЕСНА

В тот год весна была особенно солнечной, дружной. У подножья холодных гор, как сахар, искрился дымный Харьков; в вечернее время там загорались огни, и свет их мерцал над горизонтом огромным багровым созвездием.

По утрам мы раскрывали окна и, вдыхая весеннюю свежесть, долго глядели в теплую и синюю даль. На сердце становилось легко и просторно.

Хотелось уехать — не все ли равно куда, — в Крым, во Владивосток, лишь бы уехать. Колония дорога для нас была только зимой. Зимой мы её берегли и любили, но пригрело весеннее солнце, и все мгновенно забылось. Дело шло к лету, а летом каждый кустик ночевать пустит...

В последних числах апреля нас не осталось в колонии и половины. Ребята убежали каждую ночь. О[б] их побеге узнавали по пустым койкам. В общежитиях становилось все тише и тише, и вскоре несколько комнат совсем опустело.

¹ Измененный вариант выступления автора на международной макаренковской конференции в октябре 1997 г. в Варшаве.

Грустно взирал на этот весенний развал колонии руководитель колонистов Антон. Он похудел, ссутулится, и взгляд его, такой хороший и добрый, стал угрюмым и злым. Антон перестал бывать среди нас, едва смеркалось, он закрывал кабинет и молча уходил к себе на квартиру. Наверное, он знал, что удержать нас в колонии было уже невозможно, и на все махнул рукой.

Позже всех собиралась бежать наша группа — уже взрослые ребята, на плечах которых держалось все хозяйство колонии. Мы ухаживали за лошадьми, пахали, сеяли и несли внутреннюю охрану зданий. Но нас также тянуло на «волю».

Мы решили бежать в ночь на пятое мая. Но четвёртого, в полдень, к нам в общежитие неожиданно пришел Антон. Он пришел с обидой в сердце, лицо его пылало от гнева. Молча опустившись на пустую кровать, он обвел нас хмурым взглядом, закурил, хотя был некурящим. Дым лениво обволакивал его, и была в этом медленном струении дыма какая-то легкая грусть, горькое чувство разлуки.

— Так, значит, ребята, — наконец сказал Антон, сбивая ногтем пепел с папиросы, — и вы бежите?

Мы почувствовали, что к глазам у нас подступили слёзы.

Антон встал, кинул через наши головы потухшую папиросу и добавил:

— Ну что ж — бегите. Никого не держу. Бегите!

Он ещё хотел что-то сказать, но ничего не сказал, только обвел нас грустным взглядом и вышел.

— Неужели теперь всё пропало? — проговорил кто-то из нас.

— Ерунда, — спокойно ответил самый старший из нас, Ленька Викторов. — Бежать, мы — бежим. Надо только проследить за Антоном... как бы он чего не подстроил.

Мы на цыпочках вышли из общежития и направились во двор — следить за Антоном. Мы видели, как он зашел к себе на квартиру, распахнул окно и долго стоял возле него в тяжелом раздумье. Затем вдруг вздрогнул, отошел в сторону и исчез за белоснежной занавеской.

Прошёл добрый час, пока мы снова увидели Антона. Он вышел на крыльцо,

невесть зачем неся с собой голубой чемодан и портрет Максима Горького в красной раме. И ушел по пыльному шляху, убегающему в сторону бора, на дальний и синий Харьков.

Мы долго глядели Антону вслед, охваченные тревогой. Сомнения не было: он уходил совсем. Он уходил совсем, не прощаясь и не оглядываясь назад, оставляя колонию на произвол судьбы, бросая все, что столько лет так родило его с нами, с нашей жизнью... угрюмый и злой, родной Антон.

Мы встrepенулись и, подчиняясь смутному чувству тревоги, выскочили за ворота. От Антона мы могли ожидать всего, но того, что он надумал в этот час, мы не ждали. Ведь мы расставались с колонией ненадолго, по первому морозцу мы возвращались обратно, словно в родной дом, где всегда находили Антона, как и прежде хлопотавшего о тепле и уюте для нашего брата. Что же будет с нами, если мы вернемся и вдруг не увидим его? Как будет жить колония без Антона, без нашего дорогого Антона Семёновича?

Тень большого облака стремительно убежала по шляху, освобождая дорогу солнцу. Не помня себя, мы бросились следом за ней. Мы побежали на шлях, за Антоном, и земля загудела от наших ног, дорожная пыль поднялась в воздух и застыла над бором белесой завесой.

— Антон! Антон Семёныч, куда же ты, куда же ты уходишь?

Не знаю, слышал ли он наш топот и крики, но назад он оглянулся только тогда, когда мы подбежали к нему вплотную. Антон замедлил шаг и, посмотрев на нас сумрачно-строгим и удивлённым взглядом, поставил чемодан на землю.

Мы окружили его.

— Антон Семёныч, — звенящими голосами разом заговорили ребята, — уходишь?

— Да, ухожу, — ответил Антон, вытирая платком вспотевшее лицо.

— Совсем?

— Конечно. Не одному же мне оставаться в колонии. — Антон поднял чемодан и шагнул вперёд.

— Нет, Антон Семёныч, не уходи, не уходи, — закричали мы, преграждая ему дорогу. — Клянёмся тебе, не убежим, только вернись...

Антон опять опустил чемодан на дорогу и задумался. Он думал долго, полузакрыв глаза и скрестив на гуди свои тяжелые руки. Потом взглянул на нас и, печально усмехнувшись, спросил:

— В самом деле клянётесь?

— Клянемся!

— Все!

— Все до одного!

— Ну, если так, — идёмте назад, — улыбнулся Антон и позволил взять себя под руки.

И мы повели его по той же пыльной дороге назад, в колонию, которая ещё никогда не была такой дорогой для нас, как в эти минуты.

(«Красная новь». 1941. № 4. — С.142-143.)

Эта публикация И. Чумака вызвала бурную реакцию в кругу друзей и последователей Макаренко. Как же так? Если верить этому Чумаку, то рушатся все представления о колонии им. М. Горького в пору её расцвета.

Как следует из материалов макаренковского фонда (№ 332) Российского госархива литературы и искусства (РГАЛИ), редакция авторитетного тогда журнала «Красная новь» в 1940 г. получила отрицательную внутреннюю рецензию на рукописи рассказов (Л. Озерницкий, «Кривое зеркало Чумака»), которые, тем не менее, все же были изданы; а после её опубликования запротестовала и Комиссия Союза советских писателей (ССП) СССР по увековечению памяти А.С. Макаренко, организованная сразу же после его смерти. За подписями Ермилова В. В., Колбановского В.Н., Бобунова А.Г. и Макаренко Г.С. — вдовы педагога-писателя, эта комиссия где-то в начале мая 1941 г. отправила письмо в редакцию журнала «Красная новь», в котором среди прочего отмечено: в рассказах И. Чумака «немало неточностей и искажений. Они производят такое впечатление, что автор их никогда в колонии им. Горького не был и А.С. Макаренко

не видел. И главное — автор не понял самой сущности воспитательной работы А.С. Макаренко, не понял основного в облике этого выдающегося советского педагога». И в другом письме (за подписью Бобунова) уже автору рассказов можно прочесть, что старые колонисты и соратники Антона Семёновича, живущие в Москве, «единодушно утверждают, что совсем не знают Вас по колонии, не помнят такой фамилии и утверждают, что бывший колонист-горьковец, настоящий горьковец, никогда не напишет так о колонии, как написали Вы».

Несмотря на данное свидетельство, необходимо исходить из того, что автор рассказов действительно был воспитанником А.С. Макаренко в Куряже, но под другой фамилией — Чумаченко. Это видно из его личного письма к Галине Стахивевне Макаренко, направленного 25 марта 1941 г. вместе с машинописным текстом «Антоновские яблоки», на которое, как видно из повторного письма от 10 мая 1941 г., ответа так и не получил. В восьмитомнике «Педагогических сочинений А.С. Макаренко (т. 8, М., 1986, с. 143) фамилия этого воспитанника (октябрь 1927 г.) ошибочно указана как «Чуманенко». Впрочем, когда Чумак в 1948 г. стал членом ССП СССР, в одной из анкет он написал своё имя как: «Чумаков Илья Васильевич». Возможно, что Илья при поступлении в колонию им. М. Горького — по всей вероятности это было в 1927 г. — «украинизировал» свою фамилию, став Чумаченко.

И.В. Чумаков (1912-1967) после войны работал в Ставрополе в качестве писателя (местного значения). В 1960-е годы он занимал должность зав. отделом «Ставропольской правды» и вместе с прочей партийной и советской номенклатурой проживал в отдельном доме современной постройки. Как сообщает Маргарита Воронова из Ставропольской краевой научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова, «Куряжанские рассказы» И. Чумака включены в его книги «Прапор» (1963), «Живая россыпь» (1967), «Марьины колодцы» (1972) и «В плотных тучах закат» (1999). Впрочем, о литературной карьере этого бывшего куряжанина всемирному макаренковскому товариществу, если не считать С.С. Невскую (Москва), З.Ш. Тененбойма (Санкт-Петербург) и А.А. Фролова (Н. Новгород), до сих пор ничего не было известно.

Небольшие подробности из рассказов Чумака свидетельствуют о незнании их автором личности Макаренко. Например, того, что заведующий колонией, который, как известно, регулярно потреблял по несколько пачек папирос в день, был некурящим, что воспитанники обращались к нему на «ты» (что также не соответствует действительности, что у него в квартире висел портрет Горького «в красной раме», как и «голубой чемодан»... Однако можно возразить, что Чумаков /Чумаченко/ Чумак уже к 1941 г. вовсю был «настоящим литератором» и вполне мог все «перемешать в доме Оболонских» на свой писательский лад.

Впрочем, против рассказов И. Чумака, опубликованных в журнале «Красная новь», выступили и бывшие воспитанники А.С. Макаренко. Поднявшись на защиту педагогического наследия своего любимого отца, они намеревались написать опровержение клеветы в самый авторитетный печатный орган страны — газету «Правда». К этой акции были привлечены бывшие соратники и ученики Макаренко не только в Москве, Ленинграде, Харькове и Киеве, но даже и на Дальнем Востоке, где под руководством врача Николая Шершнева, бывшего горьковца, макаренковское братство занималось построением светлого будущего в Комсомольске-на-Амуре.

Одним из самых активных участников развернувшейся кампании был беспартийный, опальный агроном-экономист, которого Макаренко в одном из своих выступлений назвал «бухгалтером» коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Именно он в 1933 г. случайно нашел чемодан с рукописью нового варианта «Педагогической поэмы» и, таким образом, стал его первым читателем.

Речь идет не только о коллеге Макаренко по коммуне — начальнике финансовой части, но и о его «первом друге» в годы террора и всеобщего страха, о Константине Семёновиче Кононенко, который не прервал своих близких отношений с семьей педагога-писателя и после его смерти. С определенной уверенностью можно утверждать: эти отношения впоследствии переросли во взаимовыгодное творческо-коммерческое сотрудничество с Галиной Стахивенной Макаренко. Судя по всем архивным данным, без активного учас-

тия Кононенко в пропаганде наследия Макаренко не было бы ускорения в возведении последнего в ранг непогрешимого классика педагогики.

Кононенко! Кто он? В советских биографических справочниках о нем нет информации.

К.С. Кононенко родился в 1889 г. в уездном городке Рыльск Курской губернии. Как и А.С. Макаренко, он происходил из семьи железнодорожников. Отец Кононенко — начальник маленькой железнодорожной станции возле Харькова, мать — домохозяйка. У них, кроме Константина, было ещё шестеро детей, но двое из них умерли ещё младенцами. Все четверо сыновей стали членами РСДРП (меньшевиков). В 1930-е годы они, а также сестра их, были репрессированы.

Будучи учеником классической гимназии, Константин пристал к местной организации меньшевиков (1905 г.). По окончании гимназии (1909 г.) студент медицинского факультета Харьковского университета; вскоре оставил учебу из-за отсутствия материальных средств. Возобновил её в 1912 г., но уже на агрономическом отделении естественного факультета того же вуза, который окончил в 1916 г.. Затем был мобилизован в армию, однако вместо отправки на фронт его сослали в Царицын, в составе штрафного воинского подразделения, отказавшегося воевать.

В начале 1917 г., после освобождения из ссылки, Кононенко оказался в Киеве, где был зачислен в школу прапорщиков при Киевском военном округе. В этом же году он женился на Елене Трифимовской (дочери офицера), с которой познакомился ещё в Харькове, где она училась на юридическом факультете университета. В 1918 г. у них родился сын Олег.

Февральская революция, легализовавшая деятельность политических партий, создала условия для демократизации общественной жизни. На Украине возникла Центральная рада (парламент), членом которой стал и Кононенко. Летом 1917 г. его избрали гласным городской думы, где возглавлял украинскую подкомиссию по вопросам народного образования. В 1918 г., как известно, Центральная рада провозгласила Украину независимым

государством, что вызвало гнев большевиков. Накануне штурма г. Киева красногвардейскими отрядами Кононенко тайно переехал в Харьков, прекратив свою политическую деятельность, выйдя из состава партии меньшевиков.

В конце гражданской войны Кононенко работал в кооперативных организациях, занимался научно-педагогической деятельностью в Харьковском институте народного хозяйства, Зооветеринарном институте, Дергачевском зооветеринарном техникуме.

В 1920-е гг. в Харькове, тогдашней столице Украины, Кононенко возглавлял различные хозяйственные ведомства в системе Наркомзема и Наркомфина УССР. В декабре 1920 г. его пригласили руководителем подотдела обобществления отдела сельского хозяйства Наркомзема. По его инициативе в этом же году возникло Всеукраинское агрономическое общество, просуществовавшее до 1925 г. Он был организатором Всеукраинского союза сельскохозяйственных товариществ («Сільський Господар»), содействовал становлению Всеукраинского кооперативного банка. Кононенко являлся членом Всеукраинского кооперативного совета (Вукорада), в состав которого входил также видный большевик В. П. Затонский, близкий друг Г. С. Салько, будущей жены Макаренко. В январе 1926 г. Кононенко зачислили сотрудником ревизионной комиссии Украинского сельскохозяйственного банка, а ровно через год избрали членом его правления. На этой должности он находился вплоть до ареста 20 января 1930 г.

Кононенко обвинили в том, что он являлся «контрреволюционным агентом мирового капитала и внутренней буржуазии-кулачества», который, якобы, стремился восстановить капиталистический строй и буржуазно-демократическую республику. В следственном изоляторе его допрашивал начальник второго отдела экономического управления ГПУ УССР — А.О. Броневой (впоследствии он станет председателем правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского и, таким образом, начальником Макаренко).

Судебное заседание состоялось 1 июня 1930 г. в Харькове. По делу о так называемой «Контрреволюционной вредительской организации в сельском хозяйстве УССР» проходило 29 человек, в том числе

и Кононенко. Их обвинили во вредительской деятельности и саботаже коллективизации сельского хозяйства. Чрезвычайная сессия Верховного суда УССР приговорила Кононенко к восьми годам лишения свободы, но вместо тюремного заключения его направили отбывать срок в трудовую коммуну ГПУ УССР им. В.А. Балицкого в селе Ладан возле г. Прилуки. Здесь он работал экономистом планового отдела, конечно же, под присмотром этого управления.

17 октября 1931 г. Кононенко обратился в Верховный суд республики с просьбой о пересмотре его дела, ссылаясь на ухудшение здоровья. Заявление отправили в ГПУ, Броневому. Тот, в свою очередь, 26 января 1932 г. обратился к заместителю председателя ГПУ УССР К.М. Карлсону. У ГПУ пересмотрели материалы судебного процесса 1 июня 1930 г. и решили привлечь осужденных к работе в различных предприятиях и учреждениях их системы.

В коммуну им. Ф.Э. Дзержинского Кононенко поступил на работу в марте 1932 г. Есть все основания полагать, что его направил туда все этот же Броневой. Именно здесь состоялась первая встреча Кононенко с Макаренко. В течение трёх лет они совместно работали в «Дзержинке», где стали друзьями. И в эти годы педагог добился зачисление на рабфак коммуны сына репрессированного экономиста; благодаря этому у Олега появился шанс стать студентом вуза.

Работая все эти годы в коммуне, Кононенко находился под негласным надзором ГПУ/НКВД; 7 января 1935 г. по решению секретариата ВУЦИКа он амнистирован. Летом того же года Макаренко, как известно, перевели в Отдел трудколоний НКВД УССР в Киев, ставший с января 1934 г. столицей республики.

Обстоятельства сложились таким образом, что и Кононенко оказался в Киеве. Дело в том, что в марте 1936 г. Броневой был назначен вторым заместителем Наркомздрава УССР. Он предложил Кононенко должность заведующего сельскохозяйственным сектором Управления вспомогательных предприятий Народного комиссариата охраны здоровья, на которую агроном-финансист согласился. Но в феврале 1937 г. пути друзей вновь разошлись: Макаренко переехал в Москву, а Кононенко возвратился в Харьков. Они

неоднократно встречались и вели оживленную переписку. Эта переписка продолжалась и после смерти педагога-писателя, но уже с вдовой, которой Константин и Елена Кононенко всячески помогали преодолеть депрессию и включить в общественную деятельность. Как следует из другой моей статьи «Семь смертей А.С. Макаренко», фактической гражданской женой педагога-писателя в последние дни его жизни была уже не Галина Стахивна, а другая женщина — Роза Липовна Берлин. Именно с ней Макаренко отдыхал в Голицыно. Галина Стахивна после очередного скандала в доме Литфонда, получив неофициальный развод, уехала в город ещё в марте. Ситуацию уточняют и бывшие воспитанники, которые в дни траура в московской квартире видели апатично лежащую в двуспальной кровати Галину Стахивну. Видимо, в сложившейся ситуации она не могла найти решения: какова её роль и как себя вести.

К своей кровати Г.С. Макаренко была прикована, как видно из переписки К.С. и Е.Ф. Кононенко с ней, ещё в июне 1939 г., т. е. почти три месяца после разрыва брачных уз в Голицыно. И могла бы лежать ещё там, если бы не супруги Кононенко. 23 июня Елена Федоровна написала Галине Стахивне: «...хотя ты лежишь в постели, но ведёшь себя молодцом». О ситуации в московской штаб-квартире на Лаврушинском харьковские друзья Макаренко узнали от актера А.А. Крамова после его поездки в столицу. В том же письме Елена Кононенко от своего и имени мужа серьезно напоминает Галине о её личном и общественном долге: «... твоё здоровье и доброе состояние нужно Лёве (т. е. сыну. — Г.Х.), да и литературное наследство Антона требует к себе внимательного отношения близкого человека». Результат этого наставнического письма теперь хорошо известен. Галина Стахивна выпорхнула из постели, оформила в городском суде документы подтверждающие, что она действительно единственная наследница педагога-писателя, а также связалась с комиссией Союза советских писателей СССР по увековечению памяти А.С. Макаренко, где стала секретарем, и развернула бурную деятельность по канонизации юридического мужа.

В финансово-организационных делах, — а денежно-деловой интерес был главным для бедной вдовы, — верным, умелым и

очень энергичным помощником ей стал Константин Кононенко. В то время, когда Галина Стахивна начинала редакторскую деятельность при подготовке произведений мужа для публикации, основываясь исключительно на своем видении и понимании тех или иных проблем педагогики, культуры, социологии, истории и политики, Кононенко сосредоточил свои усилия на выявлении и сохранении архивных материалов и решении вопросов о гонорарах, связанных с распространением работ его друга. При этом он вёл обширную переписку с различными национальными издательствами и институтами, от адыгейцев до якутов, которые собирались издавать педагогические и художественные произведения А.С. Макаренко. Кононенко умело и всегда оперативно инструктировал Галину Стахивну об авторских правах и вытекающих из них финансовых выгодах, а от издательств неумолимо требовал исправной выплаты гонораров, непосредственно вдове или ему как её личному агенту. Об этом свидетельствуют не только переписка, но и копии доверенностей в макаренковском фонде РГАЛИ.

Важнейшей заслугой Кононенко было то, что он стремился найти неизвестные архивные материалы, в том числе стенограммы выступлений А.С. Макаренко; принял меры к их сохранению и переправки в Москву. Об этом он регулярно информировал Галину Стахивну, а она, как секретарь комиссии ССП, на одном из её последних заседаний рекомендовала включить в состав комиссии харьковского «макаренковеда» К. С. Кононенко.

Важным фактом является и то, что Кононенко написал свои воспоминания о дружбе с Макаренко. Мне известны три варианта, разных по форме и происхождению. Наиболее обширный из них, «Забывать его нельзя», подготовлен для основанного М. Горьким «Альманаха» и написан, как следует из переписки, в начале февраля 1940 г. в течение двух недель. Известно, что именно в этом издании в свое время появилась не только «Педагогическая поэма», но и макаренковская статья «Максим Горький в моей жизни». Выпуск «Альманаха», посвященного А.С. Макаренко, очевидно из-за начавшейся войны не состоялся.

По иронии судьбы, Кононенко стал первой жертвой редакторского деспотизма

Галины Стахиевны. Воспоминания экономиста она переработала по своему. В тех местах, где автор не упоминал о ней, рассказывал о событиях, где её и вблизи не было, Галина Стахиевна решительно «исправляла» и включила в текст, конечно от имени Кононенко, все, что ей нужно о себе. Здесь, как позже и в работе с текстами мужа бывшего, она была полной хозяйкой. Но при этом необходимо отметить, что автор сам в одном из его писем относительно рукописи статьи для «Альманаха» дал особое разрешение Галине Стахиевне «делать с ней, что найдешь нужным», в том числе и сократить слишком «интимные» места. К счастью, сохранился не только продукт её сверхинтенсивного «творчества» (речь идет об отдельных страницах, которые составляют до одной трети объема текста), – остатки данного материала каким-то образом попали в ту часть наследия Макаренко, которая после смерти вдовы (в 1962 г.) была передана в тогдашний ЦГАЛИ СССР. Сохранился и полный экземпляр авторского варианта этого уникального источника. Все три варианта воспоминаний, а также переписка между творческо-коммерческой парой, насколько она сохранилась, в 1997 г. были опубликованы мною совместно с киевском историком Василием Марочко в 20-м выпуске марбургской серии «Опускула макаренкиана» (1997) под названием «Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К.С. Кононенко об А.С. Макаренко». В.И. Марочко по поручению АН УССР в 1989 г., (период перестройки) в рамках начавшейся тогда реабилитации приговоренных в 1930 г. по уголовному делу «Контрреволюционная вредительская организация в сельском хозяйстве», возбужденному по инициативе Генеральной прокуратуры этой советской республики, экспертно доказал их невиновность.

Начавшаяся война прервала связь между Москвой и Харьковом. Напрасны были попытки Галины Стахиевны получить информацию о своем компаньоне. Дальнейшая судьба агронома-финансиста ей не была известна. Об этом свидетельствует запись в одной из послевоенных записных книжек вдовы Макаренко: «Кто знает о Кононенко? Нужно спрашивать Калабалына, Терского, Татарина...».

Константин Кононенко с семьей эмигрировал в Германию, а потом в США, где умер в 1964 г. Сын Олег, который окончил Харьковский университет (в 1939), в Америке стал профессором химии. Когда я в 1990 г. его нашёл (данные Олега Кононенко включены в справочник «Men and women in American science»), он был уже пенсионером. Олег Кононенко помог мне приоткрыть некоторые страницы биографии его отца и дружбы с Макаренко, передал документы и материалы их семейного архива и давал необходимые пояснения при чтении рукописных писем родителей. Он умер в 1998 г.

В эмиграции Константин Кононенко никогда не упоминал о своей деятельности в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского и о личном знакомстве с педагогом-писателем. Проживая после войны в Мюнхене, он стал свидетелем, что пропаганда наследия Макаренко, для организации которой он столько сделал, вышла за пределы Советского Союза, но молчал. Почему?

В послевоенные годы в Мюнхене работал и учёный Г.Г. Ващенко, который знал Макаренко ещё в Полтаве как заведующего колонией им. М. Горького и развернул активную кампанию, порочащую цель и достоинство «выдающегося советского педагога», его опыт. Как известно, к тому времени официальная педагогическая наука СССР создала образ педагога-новатора сталинской эпохи, а все, что препятствовало его канонизации, Галина Стахиевна, её сторонники решительно устраняли. На выпады Ващенко против Макаренко, как и на усилия московских пропагандистов идеализировать педагога-писателя, Кононенко не отреагировал.

В этом материале о малоизвестном аспекте канонизации А.С. Макаренко я хотел напомнить о личности, схожей с ним по духу, которая стала жертвой сталинских репрессий и эмигрантом, и таким образом обладала полным набором качеств «врага народа» и «антисоветчика», будучи фигурой, о которой в советское время было принято умалчивать. Обстоятельство дружбы с опальным интеллектуалом проливает свет и на личность самого Макаренко, характеризуя его как действительно великого гуманиста.